

Счастливейший из смертных – это я

Культура. — 1998. — 9-15 апр. — с. 11

— Вячеслав Алексеевич, позвольте поздравить с тем, что ваша книга "Государственное Дитя", изданная в прошлом году "Вагриусом", выдвинута на соискание Государственной премии России. Каково ваше отношение к подобному рода поощрениям?

— К премиям у меня отношение вполне традиционное: они мне очень нравятся. Другое дело, что я воспринимаю такие экстренные события в писательской жизни как приятное недоразумение, не более того. Потому что на самом деле судьба дала так много всего, что желать чего-то еще сверх — как-то не приходится.

— Можно спросить, что же такого особенного дала вам судьба?

— Способность к литературному творчеству — раз. Красивых людей, которые меня окружают, — два. Крышу над головой в Москве и тверской деревне. Чтение. Возможность заниматься любимым делом, а если за это еще и деньги платят — вообще замечательно. Хотя это и странно, как если бы мне платили за любовь к женщине или за возможность наслаждаться прекрасной музыкой... Одним словом, с премией или без я — счастливейший из смертных, поскольку счастье, как я его понимаю, — это вопрос воображения.

— Каковы ваши взаимоотношения с читателем? Как вы его себе представляете?

— Я его себе никак не представляю. Как-то само собой пишется и пишется — в пространство. Хотя, врать не буду, меня очень даже интересует и волнует, как все это воспримут другие, что, наверное, естественно для сочинителя. Но волнует весьма ограниченно. Если мне скажут, что вот этот мой рассказ прекрасен, я порадуюсь и соглашусь. И забуду через минуту. Если скажут, что это плохо, неглубоко, банально, я поверю, кто бы это ни сказал, и огорчусь. И забуду через две минуты. Единственное, что бы меня по-настоящему порадовало, укрепило бы мою уверенность в собственных литературных способностях и силах, это если бы я написал что-нибудь такое, что привело бы меня в неописуемый восторг, когда можно захлопать в ладоши и заорать: "Ай да Пьецух, ай да сукин сын!" Пока что такого не было, но очень хочется верить, что эта минута настанет.

— К какому направлению литературы вы сами отнесли бы свое творчество?

— В общем-то, я традиционалист, может быть, то, что я делаю, — это иронический реализм? Не знаю. Моя матушка,

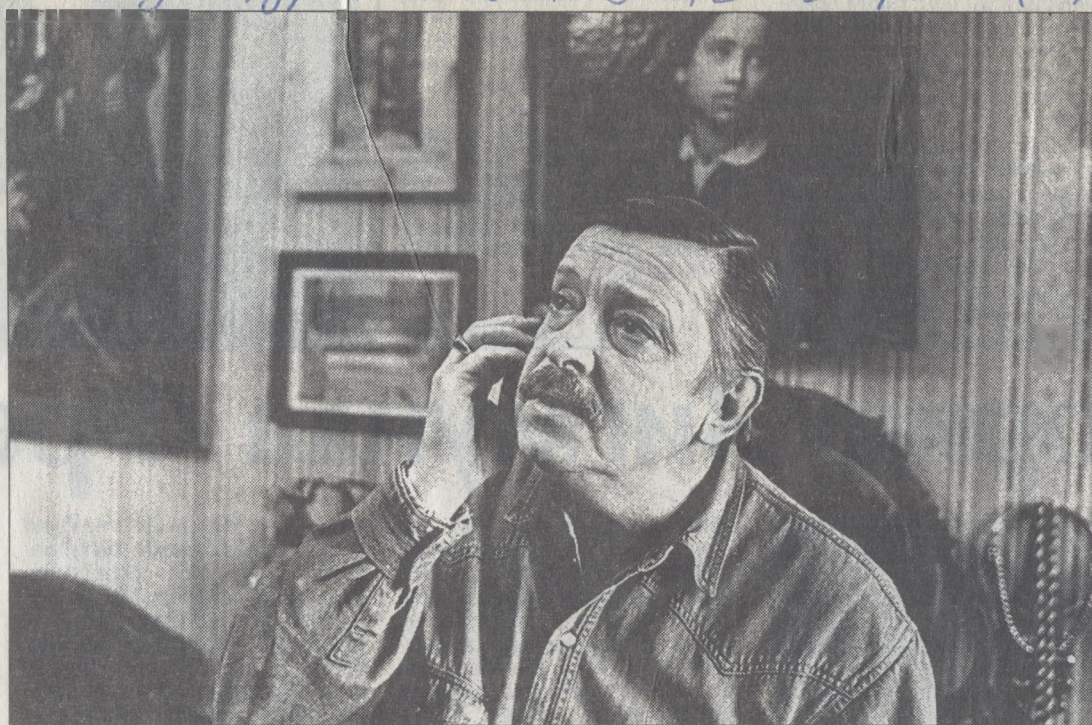

Фото Н.САМОУЙЛОВА

когда хотела похвалить какой-нибудь фильм, всегда говорила: жизненное кино. Думаю, что я — жизненный писатель.

— Кажется, Бетховену приписывают слова: жизнь есть трагедия. Стало быть, вы — писатель трагический. Не знаю, как для кого, но для меня вот этот трагизм вашей прозы, хоть он глубоко скрыт за юмором и даже сатирой, составляет суть вашего творчества. Но, как мне кажется, жить с трагическим мироощущением трудно. Что дает вам силы?

— Видимо, все-таки чувство любви, взятое широко, к тому же многоадресное, — тут и любовь к застолью, и любовь к своему народу. Хотя почему я должен его любить? Я должен любить жену или мать — по определению. Но причем здесь народ, который, между прочим, заворовался? Впрочем, я, наверное, просто в словах запутался, потому что нации более утонченной, более взрослой, драматически мыслящей и существующей драматически, чем российская, я не знаю. Западник человек — это большое дитя, поэтому он мне неинтересен...

— В каждом своем произведении, будь то маленький рассказ "Духов день" или повесть "Четвертый Рим", вы кропотливо исследуете особенности нашего национального характера. Можете ли сказать, что пришли, хотя бы в первом приближении, к каким-либо выводам?

— Да если бы я смог ответить на этот вопрос, я бы бросил писать. А поскольку до конца сво-

их дней я ничего определить не смогу и ни к какой акриоме не приду, остается просто писать. Думаю, что литература не нуждается в формулах, таковые могут представлять собою цель, причем недостижимую, отсюда формула есть источник движения — более ничего.

— Вячеслав Алексеевич, в каком соотношении находятся ваши писательские фантазии, выдумки с реальными историческими фактами? Скажем, ваш Гете высказывается в том смысле, что литература вовсе не адресована большинству, даже читающему...

— Все речи Гете можно считать документальными, потому что все это — Эккерман, знаменитый секретарь Гете, который записывал за ним каждое слово. У меня (и для меня) Гете — это литературный персонаж. Я не говорю за Гете или от его имени. Я говорю от имени героя, который сидит в сумасшедшем доме. А со своими литературными персонажами я волен обращаться по собственному усмотрению.

Что касается читателей, то думаю, что число квалифицированных читателей ограничено, их во все времена было не так уж много. В эпоху Николая Васильевича Гоголя, например, самым читаемым был писатель Алексей Кассиров, который печатался бешеными тиражами, зарабатывая литературным творчеством огромные деньги. Сейчас о нем вообще никто не слышал, кроме узких специалистов. Наверное, так и должно быть — постоянное процентное равновесие между умницами и

балбесами, между читателем квалифицированным и потребителем массовой литературы. Я не вижу в этом ничего ни необычного, ни страшного. Это нормально.

— Вячеслав Алексеевич, что бы вы сказали по поводу современного литературного процесса?

— Я читаю толстые журналы и полагаю, что современная литература не только не слабее литературы 60–70-х годов, но в чем-то стала покрепче, поизящнее, поумнее. Современный писатель сейчас совершенно обращен к человеку. Именно человек — источник писательского вдохновения и одновременно его адрес. В гораздо большей степени, чем пороки, ну скажем, поворота рек...

— А как же быть с чисто русской традицией следовать за писательским словом, которое формирует общественное мнение?

— Николай II очень смешно как-то заметил: "то, что у нас неостроумно называется "общественным мнением". А что такое общественное мнение? Для меня — это мнение, бытующее в кругу моих друзей, близких и хороших знакомых. В общем-то, прошли те времена, когда поэт в России был больше, чем поэт. И жизнь уже не та, и литература все-таки не та. Нынче функции писателя поскромнее.

— Таким образом, вы констатируете тот факт, что литература сегодня не играет той роли, которая...

— Безусловно. Но, может быть, так и надо. Если мы ставим вопрос следующим обра-

зом: писательское слово — это слово чуть ли не евангелического порядка, писатель — чуть ли не апостол, то в этом существует очевидный политический момент. Ведь водителем нации Лев Николаевич был не потому, что сочинил "Война и мир", вывел Наташу Ростову, а потому, что написал с полсотни прокламаций околхудожественного плана. Отсюда и целая религия толстовская, и партия толстовцев. А политика и литература — все же две вещи несовместные. Мне гораздо ближе писатель, который занимается непосредственно художественным делом. Оно и без того громадно, значительно. По-моему, глупо, когда писатель выступает в качестве проповедника, он — доверенное лицо мирового духа, как его называл Гегель.

— Сейчас часто можно услышать такой мотив: Россия как духовное пространство исчезает. Стало быть, исчезает и такое явление, как русская интеллигенция?

— Нет, я не исповедую эти, достаточно распространенные апокалиптические настроения. Полагаю, что русский интеллигент есть существо неуничтожимое, не подверженное какому-либо влиянию со стороны властей предрержащих. Это доказало семидесятилетнее иго большевиков: интеллигент каким был, таким и остался. И даже если он остался не совсем таким, главное — он остался. Думаю, что интеллигентность — это не вопрос крови, то есть вряд ли это понятие генетического порядка. Видимо, тут имеет место определенное состояние духа, которое продуцирует следствия самого благородного направления. Это целый ряд наклонностей или, наоборот (прошу прощения за неловкий неологизм), неспособностей — например, неспособность оскорбить, поднять руку на человека. Эта способность к неспособности мне представляется основной чертой, которая отличает интеллигента от прочих подвидов homo sapiens. Просто культурный человек — это понятие все-таки более узкое. Культурным может быть человек, который не знает, кто такой Шекспир, но твердо усвоил, что переходить дорогу нужно на зеленый сигнал светофора. Культура — это даже не базис, это дофундамент, нулевой цикл строительства интеллигентного человека, особенно в русском понимании этого слова. Хотя, по-моему, только в русском понимании эта категория и существует.

Беседу вела
Елена ГРАНДОВА